Князь их сердец

Риann

18+

Сквозь тернии
к бездне

Мистерия грехов (Эксмо)

Риann

Князь их сердец

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рианн

Князь их сердец / Рианн — «Эксмо», 2026 — (Мистерия грехов (Эксмо))

ISBN 978-5-04-257319-4

Готический роман о цене признания, искушении и любви, способной погубить даже самого дьявола. В викторианском Лондоне, где за безупречными манерами скрываются пороки, а искусство служит лишь способом заработка, начинающая писательница Селия Кроуфорд отчаянно пытается доказать свою ценность — и не замечает, как оказывается пешкой в чужой игре. Игре, правила которой диктует загадочный князь Люмьер д'Экзиле — покровитель талантов и разрушитель судеб. Но даже он не ожидал встречи с той, кто не поддается его власти. Ее называют Дева-Смерть. Ее присутствие тревожит, а мистические выступления сводят с ума все высшее общество. И пока Селия все глубже погружается в мир темной магии, между князем и Девой-Смертью рождается чувство, опаснее любого проклятия… «Я очарована этим мистическим представлением. Меня одурманили, обманули и втянули в азартную игру, где в ходу страшные тайны и опасные откровения: ими торгуют, ими расплачиваются, ими губят. Мы с дьяволом аплодируем стоя». — Анви Рид, автор книги «Общество мертвых и исключительных» «Скорбь Сатаны» встречается с «Мастером и Маргаритой» — первая книга дилогии, где в главной роли — Сатана: искуситель, страдалец, философ, мститель и… самый человечный из всех героев. Спиритические сеансы, тайные общества, интриги, любовные треугольники. Тропы: «он влюбляется первым», «одержимый герой», «любовный треугольник», «запретная любовь». Тонкий психологизм, серая мораль и герои, готовые на все ради своих желаний. Мрачно, чувственно и дьявольски притягательно!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257319-4

© Рианн, 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 7
Часть первая. Скитания 10
I 10
II 16
III 20
IV 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Рианн
Князь их сердец

© Рианн, текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Моим бабушке и дедушке.

Жаль, что вы уже не сможете подержать эту книгу в руках. И все же я как наяву слышу ваши слова поддержки всякий раз, когда заношу ручку над чистым листом

Пролог

Многие знают или, по крайней мере, слышали историю о том, как Сын Божий своими страданиями, кровью и позорной смертью на кресте искупил грехи человеческие, после чего вознесся на Небеса, освободившись от оков плоти. Но лишь немногие задумываются о фигуре, которая присутствовала в жизни Христа задолго до этих событий. Той, что оставалась в тени, но чей след тянется сквозь всю историю человечества. Той, чьи грехи никогда не будут отпущены, чья чаша страданий всегда полна до краев, ибо некому осушить ее.

Это забытое имя – Сатана.

Мятежный дух, он мечется по своим владениям, которые есть весь мир, как дикий затравленный зверь в просторной, но все же клетке, ибо сама его природа стала ему тюрьмой. Связанный собственной клятвой истребить род людской, он искушает души. Гонимый, словно скиталец пустынными ветрами, ненавистью к человечеству и вместе с тем невысказанной надеждой на него, он страдает от возложенного на себя бремени; и не с кем ему его разделить, и некому спасти его от самого себя.

Блумсбери, Лондон, XIX век.

Молодая чета Кроуфорд устраивала прием в честь успеха новой картины главы семьи, Рогана Кроуфорда. Ученик Данте Габриэля Россетти, он слыл модным нынче художником. В Лондоне у него заказывали портреты все, с кем, по мнению высшего света, стоило иметь знакомство. Его очаровательная жена Селия была подающей надежды, но до крайности невезучей писательницей. Чего она только не перепробовала: писала под мужскими псевдонимами, оплачивала рекламу и хорошие отзывы критиков и даже взялась, по совету издателя, за коротенький, но донельзя неприличный любовный роман. И все же признание публики обходило ее стороной с той же старательностью, с какой Селия добивалась известности.

– Вы даже не представляете, как это ужасно, – процедила она, наморщив хорошенький носик. Селия стояла немного в отдалении, наблюдая, как гости с восхищением рассматривали картину ее мужа. – Писать по требованию этого недостойного человека, моего издателя! Удивляюсь, как я не умерла, выводя последнюю строчку такого позорного и низкопробного чтива. И все напрасно!

Селия подняла глаза на собеседника. Это был французский князь, появление которого четверть часа назад внесло некоторую сумятицу: его имя никак не могли найти в списке приглашенных, пока не появился сам Роган Кроуфорд и не заверил, что они с князем старые друзья и он здесь по его личному приглашению.

Имя князя было Люмьер д'Экзиле, и по количеству полученного внимания и восхищения он едва не затмил главную героиню вечера – картину. Высокий и горделивый, он нес себя с превеликим достоинством; черные как смоль волосы и брови с изломом подчеркивали его мрачную красоту, бледный высокий лоб выдавал недюжинный острый ум, а острый, слегка крючковатый нос придавал ему сходство с хищной птицей, которое подчеркивал тонкий, резко очерченный рот. Но самой замечательной его чертой были глаза: черные, с поволокой и с полыхавшим в них странным огнем, словно их обладатель либо страдал от вечного голода, либо сгорал в пламени страсти. Казалось, что взглянувшему хоть раз в эти глаза ничего не стоит попасть к князю в вечное рабство.

– Хорошего же вы мнения о своих произведениях! – рассмеялся Люмьер, покачивая красное вино в бокале. – Как можно, ненавидя свое творение, ожидать благосклонности публики?

– Я и не ненавижу его – я стыжусь, – возразила Селия и грустно вздохнула. – Иногда я думаю, что мне вообще не следует писать, но я ничего другого не умею. Мой муж одаренный художник, к тому же учился у настоящего мастера, а мне даже поучиться не у кого.

– Хорошая литература может стать вашим учителем.

Селия помотала головой. Судя по всему, ей это уже говорили либо она сама об этом думала.

– Я, кажется, понимаю, о ком вы, князь: романы сестер Бронте и мадам Радклиф – уже долгое время мои творческие ориентиры. Но я хочу найти свой стиль, свою черту, которая будет выделять меня из плеяды авторов моего века. Все эти издатели имеют единый шаблон, который приносит им доход, и хотят видеть только подходящие под него произведения. Я пережила этот опыт и могу с уверенностью сказать, что отныне мне претит подобный подход.

– В таком случае я вижу для вас два пути, – заявил Люмьер с неумолимостью судьи, зачитывающего смертный приговор, – забыть о славе и писать то, к чему лежит душа, либо, – он лукаво прищурился, – написать что-то поистине блестящее, настолько поразительное, что у этого просто не будет ни малейшего шанса остаться незамеченным.

Селия подняла на него отчаянный взгляд. То, как он это сказал, странным образом воодушевило ее.

– У меня есть идея, которую я лелею еще с юных лет… Да, я напишу, я обязательно напишу! Ах, если бы у меня был наставник, который направлял бы меня в моих творческих порывах! Тогда я бы точно обрела долгожданное признание!

Люмьер тонко улыбнулся, пристально вглядываясь в нее. Она поймала его взгляд и как будто поняла намек.

– Вы, случаем, не знаете какого-нибудь литератора, который согласился бы курировать мою работу? Вы сделали бы меня своей должницей.

– Никого искать не нужно. Скажу вам прямо, писательство – не моя стезя, и будь я проклят, если когда-нибудь возьмусь за перо с целью исписать больше одного листа. Но у меня есть опыт работы редактором – и весьма обширный, смею заверить! Если вы согласны – я в вашем распоряжении.

Селия потеряла дар речи. Задавая вопрос, она никак не ожидала, что человек такого благородного происхождения предложит ей свои услуги. В ее глазах это было все равно, как если бы принц Уэльский предложил себя в качестве дворецкого. Она подозрительно прищурилась.

– Я очень признательна вам за предложение, князь, и все же…

Люмьер рассмеялся:

– Неужели вы подозреваете меня в недобросовестности? Или того хуже – в мошенничестве? Спешу вас разуверить, миссис Кроуфорд, я всего лишь человек, которому безмерно скучно жить. А задача сделать из вас звезду литературного мира звучит как нечто, что способно развеять мою скуку. Вы видите, я откровенен с вами.

Селия выглядела так, будто проглотила четвертинку лимона, и с трудом выдавила из себя улыбку.

– Это хорошо, учитывая факт, что все издатели, с которыми я работала, – патологические льстецы и лгуны. Что ж, – она с каким-то безрассудным азартом протянула ему руку, – тогда заключим договор.

Люмьер тут же взял ее руку в свои. Его глаза полыхали странным торжеством.

– Значит, вы принимаете меня и мой скверный характер и согласны работать под моим покровительством! Не могу передать, как я рад. Но учтите – я суровый наставник.

Селия кивнула с таинственным видом.

– Именно это мне и нужно. *Per aspera ad astra*[1]. Я преодолею преграды, которые будете ставить мне вы или те, кто попадется на моем литературном пути. Теперь я не сомневаюсь в успехе! И прошу вас, обращайтесь ко мне как-то иначе – мне все еще непривычно это тяжеловесное «миссис». Так будет удобнее.

– В таком случае, надеюсь, вы не будете иметь ничего против французского обращения, мадам Кроуфорд? – И, получив согласие, склонил голову. – Да будет так!

Сразу же после того, как он произнес эти слова, в толпе раздался звон и удивленный женский вскрик:

– Бокал! Бокал лопнул прямо у меня в руке!

Селия поспешила к пострадавшей гостье. В момент, когда по залу прокатился звон разбитого хрусталя, что-то кольнуло ее в сердце. И от этого укола веяло чем-то холодным и неизбежным, чего она сама не могла объяснить. Но мысль о грядущем успехе быстро изгнала этот холод, и Селия воспрянула духом.

Люмьер д'Экзиле скрыл улыбку за бокалом вина.

[1] Через тернии к звездам (*лат.*). *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

Часть первая. Скитания

I

Первым делом Люмьер пожелал ознакомиться со свежей рукописью. Опешившая Селия ответила, что та находится у одного издателя и вернется к ней лишь в том случае, если он отвергнет ее.

– Как имя этого издателя?

– Джордж Макбрид, он получил рукопись только вчера…

– Значит, будьте уверены, он не притронется к ней еще добрых две недели, если не больше, так что мы спокойно можем потребовать ее обратно. Если вы сообщите мне адрес его конторы, я немедленно пошлю туда своего слугу с запиской от вашего имени.

Неуверенная в успехе этой затеи, Селия все же сделала, как он просил. Люмьер дружески кивнул ей и отправился на поиски слуги.

– Смотрю, дорогая, ты отлично поладила с моим другом; между тем я едва словом с ним перекинулся.

Селия обернулась. Роган Кроуфорд улыбался ей с тем лукавством, с каким некоторые мужья подтрунивают над своими женами, когда видят, что те уделяют внимание другим мужчинам. Высокий и тонкий, как стебель, бледный, с лучистыми голубыми глазами и льняными волосами с ранней сединой, он напоминал скорее нищенствующего поэта с чердака, чем известного на всю страну художника. Подобный образ часто привлекает молодых девушек: они тешат себя надеждой, что творец сможет найти в них свою музу, будет петь им сладостные песни о любви дни напролет, а ночами слагать оды в их честь. Наперекор всем современным представлениям о женщине как о кротком, послушном мужу существе, Роган обратил внимание на Селию, тогда еще носившую фамилию Мур: та имела репутацию чрезвычайно мечтательной и свободолюбивой юной леди. Но, несмотря на это, в потенциальных избранниках Селия искала в первую очередь практичность. Не вполне ясно, как она смогла разглядеть это качество в пусть талантливом, но все же пока ученике Россетти, но ее прозорливость не подлежала сомнению: уже спустя год благодаря упорной работе и паре рекомендаций восхищенных заказчиков имя Рогана Кроуфорда было на устах у всего Лондона. Казалось, на самом обычном холсте он мог воплотить любую мысль, но с большей радостью брался за портреты, которые получались настолько живыми, что никто не удивился бы, если б изображенный моргнул или вздумал почесать нос. Его успех казался головокружительным. Поговаривали даже, что сам дьявол подарил ему руки кого-то из классических мастеров живописи и теперь Роган отдает ему дань уважения, ежемесячно изображая демонического вида существ. Примечательно, что зачастую именно эти картины вызывали наибольший резонанс.

– К слову, почему ты никогда не упоминал о нем? – Селия продолжала слегка рассеянно смотреть вслед князю. – Хотя его лицо по каким-то причинам кажется мне знакомым.

– Полагаю, ты видела его на «Падении».

Селия удивленно посмотрела на него. Роган загадочно улыбался.

– Ты написал князя д'Экзиле? Да еще и в «Падении»? А он сам об этом знает?

Роган лукаво усмехнулся:

– Для этого я и пригласил князя. У меня в планах было предложить ему пожить у нас месяц-два. Он постоянно скитается по свету, и у меня сердце кровью обливается, когда он в своих письмах рассказывает мне, как умирает со скуки.

– Да, об этом он обмолвился, – обронила Селия, снова отчего-то впадая в рассеянное состояние. – И я думаю, что у него будет сразу несколько поводов задержаться у нас.

И она пересказала ему их разговор. Роган сначала слушал удивленно, но под конец искренне рассмеялся:

– Как это похоже на него! Ввязаться в авантюру только для того, чтобы развлечь себя. Но не волнуйся, Селия, – спохватился он, заметив ее кислую гримасу, – насколько я знаю, князь человек слова, к тому же очень талантлив. Я абсолютно не удивлен, что он еще и в литературе знает толк.

– Для меня облегчение слышать, что ты ему доверяешь, – улыбнулась она. – Значит, моя бедная рукопись действительно в надежных руках.

Люмьер вернулся спустя четверть часа, и Роган наконец смог сердечно поприветствовать его.

– Бога ради, Люмьер, неужели вы нашли художника, запечатлевшего вас на портрете, который стареет вместо вас? Не вижу других объяснений тому, что вы абсолютно не изменились за эти пять лет.

– Пять лет не такой уж долгий срок. К тому же если кто и способен на подобную магию, то только вы, Кроуфорд, – рассмеялся Люмьер, пожимая его руку. – Рад сообщить, – сказал он, обращаясь к Селии, – что уже сегодня я должен получить вашу рукопись на руки.

– Сегодня? – в один голос воскликнула чета Кроуфорд.

Князь расхохотался, в его глазах пылал озорной огонек.

– Конечно! Если мне что-то нужно, я получаю это незамедлительно.

– Это уж точно, – усмехнулся Роган. – Предупреждаю тебя, дорогая: над этим человеком можно шутить сколько угодно, но для достижения своей цели он пойдет по головам, не посмотрев, что одна из этих голов – его лучшего друга!

– Ну вас, Кроуфорд, – добродушно проворчал Люмьер, – как будто целеустремленность – это порок, за который стоит четвертовать! Не слушайте его, мадам Кроуфорд, – я всегда смотрю под ноги. Один фатальный случай из молодости научил меня этому.

– Мудр тот, кто учится на своих ошибках, – заметила Селия.

– Нет, мудр тот, кто учится на чужих, – возразил князь. – Я же, несмотря на почтенный возраст – пусть вас не смущает моя внешность, – бываю опрометчив. Особенно в гневе.

– Я это запомню и постараюсь не провоцировать вас, – заверила Селия. – Дорогой, кажется, тебя зовет мистер Блумфилд – он активно подает тебе знаки.

– К черту Блумфилда! Я вдоволь наболтался с незнакомцами, которые по какой-то причине попали в списки приглашенных. – Роган выразительно посмотрел на Селию, которая в свою очередь сделала вид, что не имеет к этому отношения. – Теперь же я хочу уделить внимание самому дорогому и ожидаемому гостю.

– Кто этот Блумфилд и почему вы хотите обременить черта сим человеком? – поинтересовался Люмьер.

– А, один надоедливый аристократ. Вон он, с пушистыми бакенбардами. Лицемер. Воображает себя моим меценатом, потому как однажды дал мне сто фунтов.

– В самом деле? – Люмьер впился острым оценивающим взглядом в мистера Блумфилда, на губах его заиграла тонкая улыбка. – Ручаюсь, что он не купил ни одной вашей картины, несмотря на то что мнит себя знатоком современного искусства и поклонником вашего творчества.

– Вы правы. Но не будем продолжать эту тему. Я стараюсь не осуждать других за их пороки, сам не будучи ангелом. Ничто не мешает мне притвориться, что я его не заметил.

– Действительно, – вкрадчиво заметил Люмьер, – к лицу ли вам, маэстро кисти, одаривать своим драгоценным вниманием такого непримечательного внешне человека.

Роган как будто не расслышал его слов, отвлекшись, чтобы принять похвалу от одного из гостей, но Селия князя услышала, и по спине ее почему-то пробежала дрожь.

Отделавшись от очередной порции внимания, Роган сделал Люмьеру предложение погостить у них. Тот прижал обе руки к сердцу, лицо его выражало кротость и благодарность.

– Если вы сможете терпеть мое несносное общество целый месяц, я с радостью приму ваше предложение, друг мой. Но имейте в виду, если стану невыносим, я тут же покину вас. Особенно, – он со значением посмотрел на Селию, – это предупреждение касается вас, мадам Кроуфорд. Вы еще не передумали по поводу нашего литературного сотрудничества?

На мгновение Селии показалось, что в его глазах мелькнула мольба, но это впечатление быстро сменилось на противоположное. Облик д'Экзиле впервые показался ей зловещим, словно он предупреждал ее о грозящей опасности. Но она подумала, что эта опасность касается самого князя, что с ним приключится что-то ужасное, если она сейчас откажется от его предложения. Подобное выражение лица бывает у осужденных на смерть, когда они уже смирились с приговором, но в них все еще теплится отчаянная надежда.

– Как же я могу передумать, если вы уже послали за моей рукописью? – рассмеялась она слегка растерянно.

– Очень просто, – серьезно сказал Люмьер. – Вы будете вправе отправить ее обратно этому Джорджу Макбриду или любому другому издателю.

– Нет, князь, – ответила Селия решительно и с тем же азартом, с каким соглашалась на его предложение, – теперь я хочу узнать, на что способна. И вы мне поможете. А ваши слова по поводу вашего ужасного характера, мне кажется, слегка надуманны.

– О нет, мадам Кроуфорд, – улыбнулся Люмьер. – Поверьте мне, это правда.

– В таком случае решено! – весело резюмировал Роган. – Вы остаетесь у нас и помогаете моей очаровательной жене в ее писательской карьере, а я занимаюсь своим делом и не мешаю вам творить.

– И все же, – настаивал князь, – я повторяю свое предупреждение: я немедленно покину вас, как только стану нежеланен. Не беспокойтесь, мадам Кроуфорд, далеко я не уеду: у меня есть прехорошенькое поместьице в пределах города. Мы сможем наезжать друг к другу с визитами и спокойно работать над вашим новым романом.

Роган Кроуфорд впервые посмотрел на Люмьера с легким беспокойством и постарался скрыть это за беспечной улыбкой.

– Хоть вы порою и правда невыносимы, ваша светлость, за одно только это у меня не повернется язык выставить вас из нашего дома. Я слишком долго ждал вашего приезда, чтобы сейчас так просто отпустить.

Люмьер посмотрел на него с какой-то трогательной лаской, но Селии показалось, что она разглядела в его взгляде иронию.

– Да будет так, – кивнул он.

Итак, с того самого вечера Люмьер д'Экзиле сделался своего рода литературным агентом и куратором Селии Кроуфорд, и за дело он взялся стремительно. Рукопись оказалась у него незадолго до окончания приема, и, поднявшись в покои, которые ему выделил Роган, он принялся за чтение далеко за полночь.

Наутро Люмьер нашел Селию в ее кабинете. Это была небольшая комнатка на первом этаже, недалеко от комнат слуг, сумрачная и удивительно захламленная. Селия сидела за тяжеловесным письменным столом темного дуба и вяло массировала виски в каком-то тягостном ожидании. Люмьер, держа в руке ее рукопись, подошел поближе и увидел, с чем связано это ожидание: перед ней лежал лист бумаги, девственно-чистый, если не обращать внимания на чернильную кляксу в верхнем углу. Справа от Селии стояла изящная чашка с недопитым кофе.

– Вы, как я замечаю, жаворонок, мадам Кроуфорд, – шутливо поприветствовал Люмьер. Селия не пошевелилась, и ему пришлось тронуть ее за плечо, чтобы обратить на себя внимание. Она вздрогнула, быстро заморгала, словно он пробудил ее от дремы.

– Ах, Люмьер! Простите, меня по утрам одолевает ступор… – Селия изящно потянулась. – Я как лунатик: что-то делаю, но сама толком не понимаю, что именно.

– Тогда к чему такие ранние подъемы? – рассмеялся князь и взглянул на часы. – Даме вашего положения подобает подниматься не раньше десяти утра и делать это со всей неспешностью. Тем более после такого приема!

Селия не глядя протянула руку к чашке, заглянула в нее и допила давно остывший кофе. Люмьер положил перед ней прочитанную рукопись.

– Когда-то я посетовала одному из своих прошлых редакторов на то, что работа над романом не желает двигаться дальше, и он посоветовал мне писать по утрам, как можно раньше. Видите ли, с утра разум свеж, мысли чисты, к тому же, поработав с утра и до полудня, имеешь целый день свободным для более приземленных дел.

Люмьер бросил красноречивый взгляд на пустой лист бумаги и мягко поинтересовался:

– И сколько же в среднем, позвольте узнать, вы пишете таким образом?

Селия поставила чашку, откинулась на спинку кресла и, спохватившись, предложила Люмьеру сесть. Он придвинул себе второе кресло.

– Один лист, иногда полтора. Но в последнее время мне с трудом удается добраться даже до середины.

– А в своем обычном режиме?

Селия задумалась, и ее глаза расширились. Люмьер развел руками.

– Зачем же вы послушались совета, который вам совершенно не подходит?

– Сначала этот метод работал…

– Трудно спорить. Смена режима и правда помогает, так как человеческий мозг устает от рутины. Но не в случае, когда все ваше существо протестует против этого.

– Как грустно! – рассмеялась Селия. – Мне понадобился взгляд со стороны, да еще и иностранного князя, чтобы понять свою ошибку. Что бы я делала, если б вы вообще не появились в моей жизни!

– Полагаю, в конце концов вы бы сами ее осознали, но значительно позже. – Люмьер тактично постучал пальцем по рукописи, которой Селия до сих пор не замечала. – Я прочел ваш новый роман, и, признаюсь, он меня озадачил.

Селия удивленно посмотрела на рукопись, словно не могла понять, как она там оказалась. После заявления князя она тут же взяла ее в руки и прижала к груди бережно, как мать – младенца. Люмьер пытливо смотрел на нее, потирая восхитительный рубин на одном из колец.

– Как прикажете вас понимать? Чем именно он вас озадачил?

– А тем, что, пока я читал его, меня не покидало чувство, будто его написал кто угодно, только не вы.

– Я надеюсь, что это не было обвинение в плагиате, – уточнила Селия довольно холодно.

Люмьер с притворным ужасом воздел руки.

– Что вы, мадам Кроуфорд! Я всего лишь хотел сказать, что ваше произведение отчего-то не похоже на вас саму.

– А вы полагаете, что знаете меня, хотя мы познакомились только вчера?

Люмьер улыбнулся, как ей показалось, натянуто и бросил недовольный взгляд на занавешенное окно.

– Как ваш литературный ментор, я посчитал своим долгом сообщить о своем впечатлении. А вы, как я вижу, довольно болезненно воспринимаете критику. Стоило мне упомянуть о такой мелочи, и вы сразу ушли в оборону. *Quelle sensibilité!*[2]

Селия поджала губы.

[2] Какая чувствительность! (*фр.*)

– Вы правы. Любая мелочь важна. Как любит говорить мой муж: дьявол кроется в деталях.

– И это верно! – Глаза Люмьера полыхнули озорным огоньком.

– Я почти уверена, что знаю причину, по которой вам так показалось. Я так долго писала по шаблонам, навязанным мне издателями, что и этот роман не стал исключением. Неудивительно, что вы почувствовали эту фальшь.

– Более того, – заметил Люмьер со значением, – это чувствуют и читатели. Многие издатели забывают о том, что шаблон создан для того, чтобы брать его за основу и на этой основе создавать свое уникальное произведение. А бесконечное повторение одного и того же в итоге надоедает не только самому автору, но и публике.

– Значит, с этой рукописью мне ничего не светит, – помрачнела Селия.

– Разве это большая проблема? Вы, кажется, говорили, что собираетесь осуществить замысел из вашего юношества.

– Да, но это займет время.

– Бесспорно. В таком случае я предлагаю следующее: вы сегодня же расторгаете договор с этим вашим Джорджем Макбридом и начинаете писать новый роман, а я занимаюсь изданием вашей рукописи. Я найду вам нового издателя в течение пары дней.

Селия от неожиданности чуть было не выронила рукопись.

– Что вас так пугает, мадам Кроуфорд? – улыбнулся Люмьер слегка саркастически. – Я полагал, что для вас это обычная практика.

– Дело в том, – Селия мяла уголок рукописи, избегая смотреть на князя, – что это Роган нашел для меня этого издателя.

Люмьер рассмеялся, но, к облегчению Селии, довольно деликатно.

– Ваш муж прекрасный художник, но в литературных делах, по всей видимости, совсем не разбирается. Готов утверждать, что этого издателя ему с высокой вероятностью посоветовал один из его заказчиков, который «что-то такое о нем слышал». Моя дорогая леди, так дела не делаются.

Пока он говорил, Селия смотрела будто сквозь него. Люмьер же с ласковой обеспокоенностью смотрел на нее, облокотившись о подлокотник кресла и подперев подбородок кулаком.

– Знаете, мадам Кроуфорд, – снова заговорил он, – пока искал вас сегодня утром, я застал за работой вашего мужа – он творит в помещении куда более просторном, чем ваше. Там много воздуха и света. Полагаю, что изначально это был малый бальный зал. Отчего же вы выбрали эту… каморку?

Селия продолжала сверлить взглядом пустоту. Люмьер вздернул бровь и нахмурился.

– Мадам Кроуфорд?

Она вздрогнула и помотала головой.

– Еще раз прошу прощения, князь. Ваши слова погрузили меня в глубокую задумчивость.

Люмьер покачал головой, в его глазах мелькнул намек на беспокойство. Он повторил свой вопрос.

– Ах, почему… Мне казалось, что… только не смейтесь! Мне казалось, что в просторном помещении мои мысли будут попросту разлетаться.

Люмьер мягко улыбнулся, а в следующую секунду неожиданно поднялся и резким движением раздвинул тяжелые портьеры.

– Не люблю прятаться от утреннего света, – обронил он.

Мягкий розовый свет любовно омывал его широкие плечи и оттенял смоль волос. Селия невольно залюбовалась, и на мгновение ей показалось, что с ней в комнате находится вовсе не человек. Люмьер подошел к ней и осторожно вытянул рукопись, которую она до сих пор прижимала к себе.

– Позвольте мне показать вам, как вы ошибаетесь. Для этого я попрошу вас перенести письменные принадлежности и все, что вам будет необходимо, в комнату побольше и посветлее этой, желательно с окнами, и поработать там какое-то время в своем обычном режиме. Ручаюсь, что трудности с написанием тут же вас покинут.

Селия сделала так, как он посоветовал, и приказала паре слуг перенести все необходимое в просторный кабинет на втором этаже, отделанный панелями светлого дуба и с окнами, выходящими в сад. Окна эти располагались в полукруглом эркере, который образовывал уютное и в то же время светлое местечко, идеально подходящее для письменного стола. Селия принесла с собой несколько книг, в которые заглядывала время от времени в ходе писательской сессии, и соорудила из них импровизированное пресс-папье для стопки чистой бумаги. Она села в кресло, осмотрелась и кивнула. Придется немного привыкнуть к смене обстановки, но, если Люмьер был прав, оно того стоило.

Спустя час князь заглянул к ней. Он надевал перчатки.

– Куда-то собираетесь?

– Да, я назначил встречу с одним издателем.

– Уже? – Селия выронила перьевую ручку от неожиданности. – Но я еще не уведомляла…

Люмьер предупредительно поднял ладонь.

– Не беспокойтесь об этом, мадам Кроуфорд: я взял на себя смелость сделать это за вас. Розье, мой слуга, уже на пути в издательство.

Селия ошеломленно смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. И снова в его улыбке ей почудилась скрытая насмешка.

– Я всего лишь ценю время, как мое, так и ваше. Вам стоит начать привыкать к моему темпу – иначе не поспеете.

Он подошел к ее столу, взял рукопись и положил в карман пальто. Заметив, что Селия все еще выглядит обескураженной, он рассмеялся.

– Мадам Кроуфорд, единственное, о чем вам стоит сейчас беспокоиться, так это о вашем новом романе. Решение всех прочих вопросов предоставьте мне. Ведь мы об этом договаривались.

Селия все же нашла в себе силы неуверенно улыбнуться.

– И снова вы правы, князь. Простите, просто все происходит так быстро. Даже наше вчерашнее знакомство теперь больше напоминает сон.

– В скорости нет ничего ужасного, – заверил Люмьер. – Особенно когда требуются перемены. Медлительность в таких случаях равносильна мучительной смерти.

II

Прошла пара дней, и в ясное апрельское утро с часу на час Селия ожидала вестей от издателя. Рогану пришлось не без сожаления оставить ее вместе с Люмьером в их ожидании: его пригласил на завтрак один виконт, который хотел обсудить какое-то важное дело. Селия бродила по гостиной в вялом возбуждении, как человек, не знающий, хороших или плохих вестей он ждет. Ее азарт и уверенность в успехе заметно поубавились после их с Люмьером разговора о шаблонности рукописи. Сам Люмьер, олицетворение спокойствия, так незнакомого Селии, расположился на софе и наблюдал за писательницей, иронически выгнув бровь.

– Он совершенно точно сказал, что пришлет ответ в это время? – в который раз уточнила Селия.

Люмьер молча кивнул. Он перестал что-либо говорить, так как в этом не было нужды: Селия попросту его не слушала.

– Клянусь вам, князь, если придет положительный ответ, я устрою пышнейший прием, какого не видели даже у самой королевы! – внезапно заявила она, сверкнув глазами.

– В вас говорит волнение, – проницательно заметил Люмьер, – что странно: не вы ли говорили, что предпочли бы, чтобы подобные романы вообще не рождались из-под вашего пера? Но вместе с тем вы по каким-то причинам отчаянно желаете, чтобы издатель его принял.

– А вы говорили, что цените время. Так вот, мне тоже жаль будет времени, потраченного на этот, пусть недостойный, роман, если он отправится в небытие.

– Удивительная непоследовательность. – Люмьер поднялся и подошел к окну. В саду готовилась зацвести вишня, ее почки набухли и налились живительным соком. – Хотя, полагаю, ваши чувства могла бы понять мать беспутного сына, которая всеми силами старается пристроить его в какой-нибудь университет.

Селия слегка недовольно посмотрела на него и ничего не сказала. Тут вошел лакей с подносом утренней почты. Селия сцепила дрожащие пальцы, снова расцепила и непослушными руками взрезала единственный конверт, адресованный ей. Через пару мгновений раздался разочарованный возглас. Люмьер обернулся и увидел, как Селия без сил упала на софу. Брошенное и, как можно было судить, оказавшееся неутешительным письмо от издателя балансировало на самом ее краю. Люмьер взял его и быстро пробежал глазами.

– Невозможно, – пробормотала Селия, прикрыв глаза рукой. – Несмотря на вульгарную простоту романа, несмотря на все ваше влияние, князь, этот… этот… бездушный человек посмел отказать!

Люмьер отложил письмо, пряча насмешливую улыбку.

– Это может свидетельствовать о двух вещах: либо он слепой идиот, который не в состоянии разглядеть шедевр, даже когда ему преподносят его на подносе, как лакей – утреннюю почту, либо он – тот самый образчик неподкупного издателя. – Он присел в кресло рядом с софой.

– Шедевр? – недоуменно переспросила Селия, открыв глаза. – Как у вас только язык повернулся назвать так подобную пошлость?

– Вы знаете, мадам Кроуфорд, несмотря на то что ваша история написана по абсолютно предсказуемому шаблону, в ней есть оригинальные мысли. Возможно, они-то и не понравились нашему многоуважаемому издателю.

– Возможно, но это не делает ее шедевром… А может быть, моя история просто очень плоха и в этом весь ответ? – горько заметила Селия, приподнимаясь на локте.

Люмьер тихо рассмеялся:

– Вы – типичный пример автора, всегда готового признать свою литературную никчемность и несостоятельность, только бы не анализировать ситуацию. Удивительно, как с таким подходом вам вообще удавалось издаваться.

– Идя проторенными тропами, меньше шансов заблудиться в лесу, где до сих пор блуждают многие неизвестные авторы, подобные мне. Но даже это ничего мне не дало.

– Беру свои слова назад – в вас все же еще жива способность анализировать, – усмехнулся Люмьер. – Значит, у нас есть шансы.

– Я поражаюсь вашему спокойствию, князь, – вздохнула Селия.

– Моему спокойствию? Книга ведь ваша. Я уже говорил, что буду проклят, если когда-нибудь соберусь исписать больше одного листа бумаги.

Селия села на софе. Выглядела она уже немного лучше.

– Почему вы так категоричны? Я заметила, что вы проницательны и знаете человеческую натуру как сам дьявол, а это превосходное подспорье в писательстве.

Люмьер посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом и растянул губы в улыбке.

– Поэтому миру и не видать моей книги. Но возвращаясь к вашей: я прямо заявляю, что не остановлюсь, пока не найду для нее издателя.

– А ведь вы и правда обещали, что сделаете это за пару дней, – заметила Селия с ноткой разочарования в голосе.

Люмьер покаянно опустил голову, чтобы вновь спрятать насмешливое выражение.

– И я это сделаю, – просто ответил он. – Я настаиваю, чтобы вы все-таки устроили прием. Я даже возьму на себя смелость предложить вам свои услуги в качестве организатора.

– Боюсь, мне все равно не удастся повеселиться на нем. – Селия грустно развела руками.

– Суть в том, – продолжал Люмьер, испытующе глядя на нее, – что я приглашу на него наших дорогих издателей. Лучших, каких смогу найти. Ничто так не способствует сговорчивости, как бокал великолепного вина с подходящей закуской.

– Князь, мне кажется, это замечательная идея! – воскликнула она, теперь уже воодушевленно. – Ведь Роган, по сути, устраивает точно такие же приемы. И как мне это в голову не пришло?

– Полагаю, она была всецело занята новым романом, – тонко улыбнулся Люмьер, и Селия нахмурилась, снова расслышав в его словах иронию. Она решительно поднялась, уже совершенно оправившись от вызванной письмом досады.

– Великолепно! Раз таково ваше желание, я с радостью вверяю вам в обязанность устроение этого приема.

– Но предупреждаю, мадам Кроуфорд, – я не потерплю вмешательства в мои действия. И не пытайтесь узнать подробности. Потому что в противном случае, – его глаза зловеще блеснули, – вы рискуете узнать то, о чем потом пожалеете.

Повисло молчание. Селия напряженно смотрела на князя, и он расхохотался, особенно оглушительно в полной тишине. Селия облегченно рассмеялась вместе с ним.

– Вы такой экстравагантный, князь, – сказала она, отсмеявшись. – Что же вы такое скрываете?

Люмьер поднялся с кресла немного резче обычного, и Селия ощутила желание отшатнуться.

– Всему свое время, мадам. Может быть, когда-нибудь я открою вам правду. Это будет зависеть целиком от вас.

Селия неожиданно покраснела и засуетилась, чтобы скрыть смущение.

– Что же, значит, решено. О! – воскликнула она и с надеждой посмотрела на князя. – С моей стороны крайне нагло просить вас рассмотреть мое предложение после того, как вы весьма недвусмысленно сказали мне не вмешиваться, но я вспомнила об одной труппе. Она с каждым днем набирает известность в Лондоне, и я слышала, что на каком бы мероприятии

ни появились эти артисты, оно проходит с неописуемым блеском. Думаю, если бы вам удалось пригласить их на наш прием, это стало бы дополнительной приманкой для гостей.

Люмьер слушал, и его лицо выражало абсолютную бесстрастность, как если бы ему приходилось тщательно скрывать недовольство за маской безразличия.

– В наш век популярности бродячих цирков и рыночных цыганок я абсолютно не удивлен, что подобные труппы пользуются успехом у публики. Я скажу вам прямо, мадам Кроуфорд, что такого рода развлечения вызывают у меня только пренебрежение и отвращение.

– Нет-нет, князь, уверяю вас, эта труппа – исключение из правил. Я слышала, что они не просто бездумно развлекают публику, а совсем наоборот. Именно это и способствует их известности. Все хотят увидеть новые выступления!

Люмьер долго молчал, задумчиво прохаживаясь по комнате.

– Признаюсь, вам удалось меня заинтриговать. Немногие могут похвастать этим, – сказал он наконец. – Хорошо, поскольку идею с приемом изначально предложили вы, я уступлю вам – впервые в моей жизни, прошу заметить! Скажите мне название этой загадочной труппы и где ее можно найти.

– Охотно! – Селия буквально светилась от удовольствия. – Она называется «Парад дю Дестан»[3], они живут и репетируют в Сохо, на Брод-стрит. Вы без труда их найдете: любой прохожий подскажет вам дорогу в их театр.

– На Брод-стрит? – Люмьер поморщился. – Там, где была вспышка холеры?

– Да. – Она поджала губы. – Но сейчас там абсолютно безопасно, ведь прошла уже пара лет с тех ужасных событий.

Люмьер вздохнул и ничего не сказал.

– Этой труппой заправляет некто под именем Дева-Смерть, – продолжала Селия. – Полагаю, договариваться вам придется именно с ней.

На этот раз Люмьер рассмеялся, как ей показалось, пренебрежительно.

– Дева-Смерть? Такое прозвище скорее подходит ассистентке метателя кинжалов!

– Смейтесь, если вам угодно, – слегка задетая, ответила Селия. – Но я убеждена, что простая ассистентка ни за что не смогла бы всколыхнуть весь Лондон. Кроме того, она должна быть сильна характером и, вероятно, достаточно груба, чтобы управлять целой труппой, так что имейте это в виду.

Люмьер посмотрел на нее смеющимися глазами.

– Поверьте мне, мадам Кроуфорд, за свою жизнь я видел вещи куда более страшные, чем какая-то там Дева-Смерть. Но благодарю за ваше предупреждение.

Он шутливо поклонился ей, но сделал это с таким изяществом, что Селия не смогла долго на него обижаться.

– Что ж, – Люмьер выпрямился, расправив плечи, – в таком случае, с вашего позволения, я немедленно займусь приготовлениями к приему. Розье!

В гостиную вошел камердинер Люмьера, тот самый, который, как поняла Селия, ходил за ее рукописью к Джорджу Макбриду. Он во многом походил на своего господина: та же бледная кожа и прямые черные волосы, слегка напудренные и убранные назад. Черты его лица, однако, были еще резче, чем у князя, а черные глаза смотрели с холодной гордостью. Все это вкупе с черным фраком делало его похожим на злобного ворона. Розье поклонился, но, как показалось Селии, весьма вольно, словно соблюдать внешние приличия для них с Люмьером давно не было нужды.

– Приготовь мое пальто, мы отправляемся в Сохо.

– Да, ваша светлость, – ответил он низким, странно вибрирующим голосом и скрылся за дверью.

---

[3] Parade du Destin (*фр.*) – «Парад судьбы».

– Что до меня, князь, – сказала Селия, стараясь незаметно стряхнуть с себя оцепенение, вызванное появлением Розье, – я займусь романом и буду ждать возвращения – как вашего, так и моего мужа. Но помните, что я сказала вам о Деве-Смерть, – я не думаю, что подобное прозвище дается без веской причины… Вы снова хмуритесь, князь, но в наше время никогда не знаешь…

– Уверяю вас, мадам Кроуфорд, – Люмьер чуть склонил к ней голову, – эта загадочная мисс не более смерть, чем я – дьявол.

III

Роган Кроуфорд разминулся с Люмьером всего на несколько минут. Он ворвался в дом в явном возбуждении, если не сказать экзальтации, и пустился на поиски князя и Селии, но застал жену в одиночестве, погруженной в работу.

– Я уж было решил, что после хороших новостей от издателя вы с д'Экзиле решили отпраздновать без меня, – шутливо бросил он, втайне чувствуя облегчение.

Селия посмотрела на него поверх очков и смущенно улыбнулась. Роган насторожился.

– Новости не хорошие?

– В сухом остатке – нет, – она отложила перьевую ручку и сцепила руки, положив на них подбородок, – но твой друг – олицетворение оптимизма и смог внушить мне, что на самом деле все только к лучшему.

– О, порой я сомневаюсь, известно ли ему слово «меланхолия»! В любом случае я рад, что ты не расстроена, – Роган придвинул стул к ее столу.

– Это все уже не важно, правда! Князь абсолютно уверен, что сможет найти издателя для моей никудышной рукописи, и я ему верю.

– Но все же где он? Тебя я нахожу за работой, а вот д'Экзиле будто сквозь землю провалился, хотя, согласно вашей с ним договоренности, должен помогать тебе.

Селия кратко рассказала ему об их с Люмьером плане. Роган задумчиво откинулся на стуле и полез было в карман за табаком, но поймал осуждающий взгляд Селии и скрестил руки на груди.

– Ты говоришь, он хочет быть устроителем, – повторил он. – Любопытно.

– Что именно любопытно? Подобный жест ему несвойственен?

– Насколько я его знаю, он не слишком любит находиться в обществе – хотя само общество его просто обожает. Взявшись за устроение приема, он в самом прямом смысле слова обрек себя на участь экзотического зверя в клетке, на которого приходят смотреть тысячи людей. Если он пошел на такой шаг ради твоего блага…

Селия снова зарделась и опустила глаза, делая вид, что перечитывает написанное. Роган заметил это и делано рассмеялся.

– С другой стороны, не говорит ли это о том, насколько верным другом он может быть? Я уверен, что если уж он ввязался в это, то после весь Лондон будет говорить о приеме как о рождественском бале у самой королевы.

– Но почему он просил нас не вмешиваться? – В Селии снова пробудилось любопытство. – Думаешь, он может планировать что-то особенное?

– Если честно, дорогая, я *никогда* не знаю, что у него на уме.

Селия тоже откинулась в кресле и, сняв очки, потянулась. Солнце уронило пару драгоценных лучей на ее прекрасные рыжие волосы, на секунду вспыхнувшие пламенем. Роган любовно ласкал ее взглядом.

– Я могу тебя отвлечь, дорогая? – Он заговорщически улыбнулся. – Хочу тебе кое-что показать и рассказать о завтраке с виконтом Аластором.

– Бог мой, Роган! – Селия резко выпрямилась и посмотрела на него испуганными глазами. – Я такая эгоистка, совсем забыла спросить, как он прошел!

Роган беззаботно расхохотался.

– Когда же я научу тебя не извиняться передо мной за любую мелочь, – сказал он, отсмеявшись. – А теперь пойдем.

Они прошли в его мастерскую. Первое, что встречало каждого входящего, – силуэт погруженного в работу художника, сидевшего или стоявшего за мольбертом на фоне грандиозного окна, поднимавшегося от самого пола к потолку. Роган, как уже замечал Люмьер, терпеть не

мог сумрака, поэтому это окно даже не было обременено портьерами, а прозрачностью могло поспорить с чистейшим хрусталем. Здесь еще не проветривали, поэтому воздух был слегка спертым, сдобренным едким запахом растворителя и нежным – масла. Все пространство было уставлено холстами и картинами – большими и маленькими, чистыми и наполовину завершенными, художественные кисти торчали из самых неожиданных емкостей, начиная стеклянными стаканами и заканчивая пустыми цветочными горшками. Самый разнообразный реквизит лежал на всех доступных поверхностях, свисал и выглядывал буквально из-за каждого угла. На работу художника бесстрастно взирали Давид, Аполлон, Венера и черепа разных форм.

Роган подвел Селию к мольберту и поставил на него один из рабочих холстов, повернутых лицевой стороной к стене. Селия взглянула на холст и встретила взгляд знакомых проницательных глаз.

– Это же князь! – воскликнула она восхищенно.

– Пока что я закончил только глаза, – сказал Роган, глядя на портрет чуть ли не с нежностью. – Д'Экзиле любезно разрешил мне использовать его образ во второй раз.

– И по какому же поводу?

Глаза Рогана загорелись творческим возбуждением, как всегда, когда ему в голову приходили идеи, которые его вдохновляли.

– Я задумал серию портретов самых прекрасных и влиятельных людей Лондона.

– Но формально князь не уроженец Лондона, – задумчиво сказала Селия.

Роган слегка рассмеялся.

– Он заявляет, что у него нет родины как таковой. Вполне естественно слышать это от такого вагабонда[4], как он. Но я знаю точно, что, где бы ни появился, князь всюду завоевывает любовь и почитание благодаря своему статусу и личным качествам. Ты удивишься, но несносность его характера сполна окупается его преданностью и страстью, так что люди, как я уже говорил, с удовольствием ищут его общества.

Селия снова взглянула на портрет. Законченные глаза на фоне остального подмалевка будто жили своей жизнью, лучились странной притягательной силой.

– Мне кажется, я никогда не видела кого-то столь прекрасного, – обронила она, но, спохватившись, улыбнулась. – Так завтрак с виконтом Аластором тоже был посвящен обсуждению этой темы?

– Да! С его помощью уже со следующей недели сюда начнут приходить эти самые прекрасные и влиятельные люди, чтобы позировать мне, так что здесь будет довольно оживленная атмосфера. – Роган как будто вспомнил о чем-то, и его лицо сделалось виноватым. – Я очень надеюсь, что они не помешают тебе работать. Я буду делать все возможное, чтобы тебя не беспокоили по мелочам!

– Вряд ли они будут искать моего общества, когда рядом со мной будет князь, – рассмеялась Селия. – Особенно если среди приглашенных будет много девушек.

– К слову об этом: помнишь мою кузину Вильгельмину? Я не видел ее несколько лет с тех пор, как она вышла замуж, и давно хочу пригласить ее погостить у нас. Как ты на это смотришь?

Селия, честно признаться, не то что не помнила – никогда не видела Вильгельмину, и ее удивило, что Роган об этом забыл, но она только молча кивнула.

– Прекрасно, тогда я сейчас же напишу ей и буду надеяться, что она примет приглашение. – Его лицо приняло мечтательное выражение. – Она, должно быть, стала настоящей красавицей.

Селия лукаво улыбнулась и провела кончиками пальцев по его щеке.

– Если она похожа на тебя – можешь в этом не сомневаться.

---

[4] Вагабонд (*англ.* vagabond) – бродяга, странник, человек без постоянного места жительства или занятий.

Роган накрыл ее руку своей и нежно поцеловал. Глаза князя внимательно следили за супругами, и если бы один из них посмотрел на портрет в эту секунду, мог бы прочесть в них предсказание чего-то зловещего.

– И все-таки откуда у тебя эта странная идея? – спросила Селия.

Глаза Рогана как-то странно сверкнули, и он посмотрел на портрет Люмьера.

– Д'Экзиле подал мне ее. На самом деле это будет не простая серия портретов…

– Господь с тобой, Роган, – поморщилась Селия, слегка отстраняясь от него, – только не говори, что задумал изобразить этих бедных людей…

– Именно.

Его вид стал не менее зловещим, чем взгляд князя минуту назад, и Селию бросило в дрожь.

– У каждого творца должно быть свое знаковое творение, – сказал он с мрачной торжественностью. – И я думаю, что это оно и есть. – Заметив ее сомнения и неприязнь, он посмотрел ей в глаза. – Ты веришь мне? Скажи, что веришь в меня, любимая!

Селия снова искоса взглянула на портрет Люмьера, будто он мог подсказать ей ответ.

– Я… я думаю, князь не мог дать тебе дурного совета, – нерешительно ответила она. – Ты знаешь мое мнение по поводу «этих твоих картин»: мне это неприятно, и мне жаль тех, кто станет тебе позировать, – они ничем не заслужили такой участи. Но подобные работы получаются у тебя лучше всего, так что мне не остается ничего, кроме как поддержать тебя.

Грозность его облика ушла, и лицо Рогана вновь просветлело, будто злой дух покинул тело художника. Он крепко прижал к себе Селию, и она нежно, как мать – провинившегося ребенка, обняла его в ответ.

– «Падение», – пробормотала она. – Странно, я совсем не помню эту картину. Ты сказал, что изобразил на ней князя в первый раз.

– Да.

– Это же одна из «этих твоих картин»?

– Да. Но я совершенно не помню, где она.

– Ты же так гордился ею, – в удивлении отстранилась Селия, – и не помнишь, где она?

Его черты лица напряглись, и Роган натянуто улыбнулся.

– Прости, что отвлек тебя, дорогая. Полагаю, у нас с тобой еще есть время до обеда, чтобы немного поработать.

Селия вернулась в свой кабинет, но не нашла в себе сил сесть за стол и приняться за работу. На душе у нее было неспокойно, и все же она старалась убеждать себя, что виной тому возбужденное состояние Рогана, отчасти передавшееся ей.

Такой ее и нашел Люмьер. Когда он вошел, Селия недоверчиво взглянула на часы.

– Вы уже вернулись!

– Как можете видеть, – улыбнулся Люмьер, разводя в стороны руками. – И с хорошими новостями.

Он сел напротив ее стола и одобрительно взглянул на стопку исписанных листов, которая образовалась за время его отсутствия. Селия с трудом заставила себя опуститься в кресло, ощущая беспричинный страх перед тем, что он называл «хорошими новостями».

– Во-первых, по крайней мере дюжина лучших издателей Лондона приглашена на ваш прием.

– Вот как? Это и правда отличная новость, – обронила Селия без особенного энтузиазма.

– Как нам с вами известно, издатель – человек еще более занятой, чем священник в период пасхальных праздников, – Люмьер иронически изогнул бровь, – так что я не смею ручаться, что все они почтят нас своим присутствием, но тем лучше! Пусть потом кусают локти, что не попробовали лучшего вина в их жизни – и не попробуют впредь, прошу заметить, – и не лицезрели желанного для всего Лондона представления…

– Так вы побывали в театре труппы «Парад дю Дестан»? Что он собой представляет?

Люмьер слегка поджал тонкие губы, словно его покоробило, что Селия оживилась только сейчас.

– Театр как театр, ничего особенного, – скупо ответил он. – Хотя и должен признать, что он выглядел лучше, чем я ожидал.

– И что же, вы пригласили их выступить на нашем приеме? С кем вы говорили? Неужели с самой Девой-Смерть?

– Далась вам эта Дева-Смерть, в самом деле! – вздохнул Люмьер с видимым раздражением. – Неужели большей диковинки нет во всем Лондоне? Но отвечая на ваш вопрос – да, я пригласил их и даже застал кусочек их репетиции. Не скажу, что она произвела на меня впечатление, особенно после вашего многообещающего рассказа, но молодой человек, который назвался заместителем Девы-Смерть и с которым я говорил, был весьма любезен. Для артиста, я имею в виду.

– Значит, вы ее не видели, – уточнила Селия. – Мне жутко любопытно взглянуть на нее, потому что никто из тех, кто видел их представления, не смог ничего рассказать. Насколько я поняла, они либо сами ничего о ней не знают – в чем я очень сомневаюсь, – либо не желают делиться увиденным. Все, что я знаю, – она очень талантлива и как танцовщица, и как певица, и как музыкант.

– Все может быть, – примирительно ответил Люмьер, в его голосе слышалась скука. – Ну что же, у вас будет возможность лицезреть эту труппу лично, и надеюсь, она вас не разочарует. Но прошу не забывать об истинной цели этого приема – об издателях.

IV

Подготовка к заветному приему шла полным ходом, и Селия почти не видела Люмьера, кроме как по вечерам, когда он просматривал ее работу. Любой человек, будучи так занят, выглядел бы как оживший мертвец, но Люмьер, как ни странно, оставался все таким же бодрым. Селии даже казалось, что его оживленность стала проявляться ярче, как будто он сам ждал этого приема с каким-то юношеским нетерпением. Для Селии было загадкой, что именно внушало ему такое предвкушение, но она не тешила себя надеждой, что он, как и она, ждет возможности представить ее рукопись издателям.

В один из вечеров Селия ждала князя в своем кабинете. Она как раз закончила план истории, удовлетворенно потянулась и отложила ручку. Это была обычная незаправляемая перьевая ручка со стальным пером, чей латунный корпус за несколько лет постоянного использования порядочно стерся. Ее подарил ей отец, Донован Мур, видя, как дочь по пять-шесть часов просиживает за письменным столом, то и дело очиняя гусиные перья. Со дня его смерти полтора года назад Селия стала особенно дорожить ею. Сад за окном, такой приветливый в течение дня, под покровом сумерек приобрел мрачный вид, а опустившийся густой туман и вовсе сделал его зловещим. Селия смотрела в потолок, лениво покачивая ногой, когда совсем рядом услыхала глухой стук, какой бывает, когда спелые орехи падают на землю. Она огляделась, случайно бросила взгляд на стол перед собой и вскрикнула до того пронзительно, что стеклянная чернильница зазвенела.

На ее план шлепнулся огромный, величиной как раз с орех, черный блестящий жук, который неспешно направлялся в ее сторону. Селия вскочила и схватила пресс-папье, чтобы раздавить мерзкое существо, но тут дверь распахнулась.

– *Стойте!*

Страшный голос Люмьера чуть не заставил ее вскрикнуть снова, но свое предназначение окрик выполнил. Быстрым шагом князь пересек кабинет и положил руку ладонью кверху перед жуком. Тот, поколебавшись, переполз на ладонь, и Люмьер вздохнул с облегчением.

– К-князь, чт-то это за ужас? – пролепетала Селия, которая невольно вздохнула вместе с ним.

– Это, – Люмьер посмотрел на нее тяжелым взглядом, – одно из самых ядовитых существ на земле. Если бы вы его раздавили, яд отравил бы воздух и ваш организм так быстро, что уже через минуту вы лежали бы с парализованными легкими.

Селия с ужасом смотрела на страшного жука, которого Люмьер держал бережно, как котенка.

– Позвольте, но что он делает здесь?

Люмьер снова вздохнул, на этот раз с сожалением.

– Мне следовало предупредить вас и ваших слуг, мадам Кроуфорд. Дело в том, что этот жук – мой любимец, моя единственная отрада в жизни. Я держу его в стеклянной коробке с отверстиями для доступа воздуха и раз в день выпускаю оттуда, чтобы он размял крылья, предварительно, разумеется, заперев комнату, дабы он не вылетел и не укусил кого-нибудь…

– Он кусается? – Селия выглядела так, словно была готова упасть в обморок.

– Естественно. А как еще прикажете защищаться такому маленькому существу? – раздраженно ответил Люмьер, недовольный, что его перебили. – Около получаса назад я выпустил его и ушел, закрыв за собой дверь, но кто-то, по всей видимости, открыл ее и держал так достаточно долго, чтобы мой любознательный питомец вылетел из комнаты. Полагаю, это мог быть кто-то из ваших слуг, так как Розье прекрасно осведомлен о том, насколько этот жук может быть опасен.

– Выходит, мы все чудом избежали смерти, – сурово сказала Селия, поправляя платье, – только из-за того, что вы никого не предупредили о том, что держите в моем доме это существо.

– Вы совершенно правы, с моей стороны было крайне безответственно умолчать об этом.

Люмьер смиренно склонил голову, будто подставлял ее палачу под топор, и Селия, как всегда, сжалилась.

– Если вы запрете этого жука в своих покоях и дадите мне слово, что я его больше не увижу, я буду вам очень благодарна, князь.

– Непременно. – Он выпрямился с виноватым видом, но Селии показалось, что на его лице промелькнуло что-то пакостное, как если бы ему доставило удовольствие ее напугать. – Я сейчас же помещу его обратно в коробку и вернусь к вам.

Он был уже в дверях, когда Селия окликнула его:

– Жук мог быть где угодно, так что мне повезло, что вы так быстро оказались рядом.

Люмьер полуобернулся к ней и лукаво улыбнулся.

– Вы сами спасли себя, мадам. Если бы не ваш крик, я бы не догадался, где он может быть.

Селия оторопела, и этого времени хватило Люмьеру, чтобы скрыться за дверью вместе со злополучным жуком. Когда он вернулся и принялся за ее план, она уже оправилась и старательно делала вид, что пишет, в напряжении ожидая его вердикта.

– Ну, мадам Кроуфорд, – звук его голоса вывел ее из оцепенения, – в который раз я убеждаюсь, что ваш естественный язык написания куда ярче и богаче, чем могло показаться по предыдущим вашим романам. Где вы его прятали все это время? Ваша литературная карьера шла бы куда успешнее.

Селия зарделась и махнула рукой слегка пренебрежительно.

– Вам известен ответ на этот вопрос, князь. Но знаете, – она подняла очки на лоб и взглянула на него мечтательно, – я все чаще думаю, что в противном случае судьба не свела бы меня с вами.

Люмьер рассмеялся:

– Смею напомнить, что судьба и так свела бы нас – ведь ваш муж пригласил меня.

Селия снова вспыхнула и опустила глаза. Люмьер многозначительно улыбнулся, глядя на нее немигающим взглядом.

– Что скажете? – спросила она, кивнув на исписанные листы у него в руках. – Стоит ли продолжать эту историю, полную устаревшего в наше время романтизма, или ее ждет незавидная участь быть забытой публикой?

– Странный вопрос. – Люмьер положил листы перед ней. – Любая история стоит того, чтобы быть написанной. Иначе какой смысл ей рождаться в наших умах?

– Я бы поспорила с вами, князь, но мой разум так устал, что я не хочу.

Его смех застал ее врасплох, и Селия спохватилась, что как устроитель приема он наверняка устает не меньше нее, и в который раз покраснела.

– У вас, случаем, нет жара от переутомления? – уточнил Люмьер, глядя на нее с лукавым прищуром. – Вы что-то часто краснеете.

– От переутомления обычно бледнеют, – усмехнулась Селия. – К тому же любая девушка будет краснеть, когда на нее так смотрят.

– Клянусь, мадам Кроуфорд, если бы я не знал вас, подумал бы, что вы флиртуете со мной. – В его голосе слышалась такая странная смесь соблазна и угрозы, что Селия невольно вздрогнула.

– Очень хорошо, что вы успели меня так хорошо узнать, потому что одно это предположение оскорбительно, – бросила она резко, но недостаточно убедительно, потому что Люмьер тихо усмехнулся и поднялся.

– Прошу прощения, что задел ваши чувства, мадам. – Он изящно поклонился. – Дело в том, что мне часто доводилось становиться объектом девичьих воздыханий, а это, знаете ли, сильно мешает.

– О, я нисколько не удивлена тому, что вы пользуетесь такой популярностью у прекрасного пола, – рассмеялась Селия. – Со стороны девушки было бы просто *непростительно* обделить вас своим вниманием. Но неужели не нашлось среди них той, что похитила ваше сердце?

Его улыбка показалась Селии до того холодной и жестокой, что снова повергла ее в дрожь.

– Нельзя похитить то, чего нет, – сказал он и вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

Селия какое-то время сидела неподвижно и смотрела на закрытую дверь. Потом опустила на нос очки, попробовала писать, но мысли образовали такой хаос, что она со стоном разочарования бросила перьевую ручку в чернильницу. Брызги разлетелись в разные стороны, и Селия спрятала горящее лицо в ладонях.

Настал день приема. Селия старалась маскировать нервозность, но Роган и Люмьер явственно видели ее проявления в слегка дерганых движениях и смехе.

– Право, вы придаете слишком много значения этой рукописи, – сказал Люмьер с сочувственным видом. – В сравнении с тем, что вы пишете сейчас, ее, фигурально выражаясь, можно спокойно бросить в реку и наблюдать, как она плывет по течению.

– Весьма точная метафора, д'Экзиле, – кивнул Роган. – Дорогая, неужели она стоит твоих волнений?

– Я не могу просто забыть о ней, мне кажется, это равносильно предательству, – с нервным смешком сказала она. – Не пришел ли кто-нибудь из издателей, князь?

– Еще нет. Полагаю, их не стоит ждать раньше, чем гости покончат с закусками.

К слову сказать, как устроитель приема Люмьер показал себя блистательно. Бальный зал искрился и переливался подобно узору в калейдоскопе. Несмотря на относительно небольшие размеры комнаты, Люмьер каким-то образом устроил все так, что всему и всем хватало места. Все здесь работало как часы: хрустальные бокалы и графины никогда не пустели и наполнялись будто сами собой; то же можно было сказать и о столе, на котором раз за разом появлялись все новые и новые блюда; а слуги с подносами ловко лавировали между гостями, появляясь именно там, где были нужны. И тут только Селия заметила, что слуг этих она видела впервые, и ее неприятно удивило, что чертами лица они все в той или иной степени напоминали надменного Розье.

Она так и не смогла выяснить, кто именно оставил дверь в покои Люмьера открытой и выпустил жука, – ее слуги наперебой твердили, что не заходили к князю, а новость о его ужасном питомце внушила им настолько суеверный страх, что они теперь наотрез отказывались появляться там. Розье же в ответ на ее вопрос искривил тонкие губы в усмешке и с ядовитой вежливостью заверил ее, что если узнает, кто это сделал, то самолично разберется с ним. Селию эта угроза повергла в ужас, и она стала недолюбливать камердинера Люмьера еще больше, если только это было возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.